

Татьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Крымский роман
Актриса на главную роль
Белоснежный роман
Коллекция бывших мужей

Татьяна Алюшина

Созданы
друг для друга

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
С. Курбатова

Редактор серии *Е. Харламова*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Созданы друг для друга : [роман] /
Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-119706-3

Дина совершенно случайно спасает жизнь молодой мамы и ребенка и таким образом знакомится с Владом Гарандиным. Он — бывший долларовый миллиардер, человек необычной судьбы, имевший когда-то большое влияние в бизнес-кругах. Сама Дина уже много лет занимается спасением женщин от домашнего насилия — делом сложным и полным опасностей. И вот столь разных людей потянуло друг к другу, но смогут ли они быть вместе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119706-3

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Похоже, что с верхней одеждой она сильно погорячилась, как-то совершенно упустив из внимания этот момент, — выскочила из дома в привычном легком коротком пуховичке, ботиночки демисезонные, про шапку с шарфом так и вовсе не вспомнила, хорошо хоть перчатки надела. Март он, конечно, март, и пусть даже к концу подходит, но ведь реально подмораживает, ощутимо. Не так чтобы прямо совсем околеть от холода, не критично, к тому же в метро тепло, а по улицам она километры пешком не наматывает — пробежится от станции метро к нужному месту или подъедет, в крайнем случае, на такси или на общественном каком транспорте, но все равно холодно. Что значит человек, привыкший передвигаться исключительно на личном автомобиле, не приспособленный к жизни большинства «безлошадных» граждан.

«Как там у известной писательницы было? — иронизируя над собой, посмеивалась Дина, поднимая воротник и придерживая его у горла рукой. — Что-то вроде «сходил в народ и, на удивление, не помер». Кажется, так».

Ну насчет помереть — это явно перебор, а вот насчет «сходил в народ» — в самую точку: стоит вы-

браться из-за руля и влиться в людской поток, как теряешься с непривычки, забывая, например, о необходимости одеваться по погоде (и желательно не той, что царит внутри твоей машины, а той, что на улице). Но машинка любимая, джипик боевой, сегодня на техобслуживании и будет там еще несколько дней, так что мерзнуть ей теперь вместе с народом.

Но это от устойчивой привычки «я в домике за рулем», а не от снобизма. Не от него, это уж точно. На минуточку, она и есть тот самый народ, и в чем-то гораздо в большей степени, чем многие иные.

Так что не помрем, не замерзнем, не околеем и прорвемся.

Вон ей совсем чуть-чуть осталось — через дорогу по переходу перейти и быстренько-быстренько перебежечкой немного по улице, потом свернуть в первый переулочек и нырнуть в знакомое тепло уютного кафе.

И все. Красота-а-а... Она сразу попросит стакан горячей воды с лимончиком и капучино, мелкими глоточками выпьет кипяточка, расслабитесь-согреться, а там и кофе принесут, и станет ей хо-ро-шо.

Светофор на этом переходе был длинный, людей по обеим сторонам скопилось прилично, а машины все мчались и мчались, ускоряясь, торопясь успеть на зеленый свет. Дина стояла впереди собравшейся толпы у самого края первой белой полосы перехода, жались-кукожилась под порывами холодного ветра в своей куртеньке и мысленно посмеивалась над собой.

Внезапно, чуть зацепив рукав ее куртки, прямо на переход выдвинулась детская коляска с младенцем, которую уверенно катила вперед молодая мамашка,

одной рукой толкая коляску, а большим пальцем другой руки сноровисто набивая какой-то текст в своем смартфоне.

Наушники в ушах, лицо, отрешенное от реальности, вся с головой в Сети, не обращая внимание ни на что вокруг, она уверена шла, не сбавляя темпа, двигая впереди себя коляску с малышом.

Толпа за спиной у Дины ахнула единым испуганным возгласом, кто-то вскрикнул, а у нее мгновенно врубилась на всю мощность рефлекс, и она увидела происходящее в полном объеме и с четкими деталями — красный свет светофора для пешеходов, поток машин на противоположной стороне, проскочившая по их полосе перед самой детской коляской «Ауди» и мчавшийся за ней прямо на зависшую в Сети мамашу с ребенком черный огромный внедорожник.

В доли секунды перестроившееся на некий особый режим работы сознание Дины выхватило момент, как изменилось выражение лица водителя джипа, как его руки начали выворачивать руль влево, и смогло проследить траекторию движения тяжелой машины, понимая, что тот не успеет, не успеет...

Руки Дины, все ее тело среагировали раньше, чем оформилась мысль, на одном голом рефлексе, отточенном годами. Она ухватила капюшон куртки нерадивой мамы и со всей, на какую была способна, силой рванула ту назад, продлевая движение дальше, дальше, мимо себя, за спину. Не успевшая ничего сообразить, девица придушенно хекнула горлом, неожиданно передавленным воротником, и, отпустив коляску, подчиняясь рывку, отлетела назад, аж за Дину, чего та и добивалась.

А коляска осталась стоять на переходе...

И уже ничего, ничего невозможно было... Дина рванула вперед, видя-понимая со всей четкостью, что не успевает, не успевает... Каким-то щелчком сознание внезапно переключилось в иной режим, время растянулось, как в замедленной съемке, при этом мозг фиксировал даже самые мелкие детали, добавив картинке особой яркости и четкости.

И Дина отмечала, как все выкручивает и выкручивает руль водитель несущейся на нее машины, успела поразиться, что в выражении его лица нет ни паники, ни испуга, лишь злая предельная сосредоточенность, увидела, как в беззвучном крике раскрывается его рот, как тормозят и поворачивают машины встречного потока и как медленно, слишком медленно, тянется ее рука к детской коляске, как, схватив за ручку, она выталкивает ее назад, за себя, со всей силы, и коляска медленно начинает откатываться, чуть не завалившись набок, а Дину силой инерции несет вперед...

На самой последней секунде все, что она успела сделать уже абсолютно неосознанно, интуитивно, — это дернуться всем телом назад и в сторону от неотвратно летевшей на нее черной громадины.

И снова время вернулось в привычное течение, и Дина почувствовала сильнейший удар в левое бедро, от которого ее развернуло, и она отлетела в сторону, упав на правую руку, с силой приложившись головой об асфальт и что-то острое.

По всей видимости, Дина потеряла сознание на какое-то непродолжительное время, потому что в себя она пришла от обрушившейся на нее шквалом какофонии звуков — громкие, нервные и истеричные людские голоса, ругань, крики, кто-то что-то тре-

бовал, кто-то скандалил, кто-то плакал, и надрывно орал младенец, гудели клаксонами автомобили, какая-то женщина наклонилась над Диной и спрашивала о чем-то. Дина никак не могла разобраться, что та говорит, только отмечала в какой-то прострации, как меняется выражение лица незнакомки от озабоченного до жалостливо-испуганного.

Так. Так. Пыталась она что-то понять. Надо сообщить, что вообще происходит.

И тут лицо женщины, нависавшее над ней, исчезло, а вместо него совсем близко возникло лицо другого человека. Мужчина посмотрел на Дину долгим изучающим взглядом и произнес нарочито четким и громким голосом:

— Вы меня слышите?

Дина почувствовала внутри, где-то в районе солнечного сплетения, такое приятное, непонятное тепло, которое затем растеклось по всему телу...

Она смотрела в эти темно-янтарные глаза совершенно незнакомому ей мужика и тонула в них, и ей вдруг так сильно, так сильно — больше всего на свете захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял, и тогда — она точно знала — все-все стало бы замечательно и правильно.

Каким-то необъяснимым образом, на какие-то мгновения, она вдруг уловила всеми своими обострившимися чувствами в этом незнакомом мужчине нечто абсолютно родное.

Дина медленно закрыла глаза, втянула с силой воздух и, ненадолго задержав дыхание, медленно выдохнула, успокаивая себя.

Наверное, головой она стукнулась всерьез, если с ней происходят такие странности и чудится всякое.

Может, это все? Добегалась?

— Ей совсем плохо, разве вы не видите! — прокричала какая-то женщина сбоку.

— Я уже вызвала «Скорую»! — произнес другой женский голос.

— Да какая «Скорая»! — возмутился мужчина, по голосу вредноватый дедок. — Вон пробка образовалась! Да и пока они приедут, девушка сто раз помереть успеет!

— Помолчите, — остановил говорливого дедка мужчина. Он говорил очень спокойным, ровным тоном человека, привыкшего отдавать приказы и знавшего, что их выполняют, и пообещал: — Если «Скорая» задержится, я ее отвезу.

И от этого его голоса и тона у Дины вдруг мурашки побежали по телу.

Да, подумала она какой-то вялой, тягучей мыслью, наверное, ей совсем хреново, очень уж странные реакции тела.

— Да? — недоверчиво спросила бабулька из разряда въедливых старушек. — А куда вы ее отвезете, мы ж не знаем? Вы ж девушку сбили, а это статья уголовная. Может, вы ее в лесок какой отвезете, а не в больницу, и закопаете там потихому? Вон у вас машина какая, богатый человек и наверняка со связями. Что вам простые люди. Подумаешь, убили девчонку.

— Я пока жива, — вмешалась в разговор Дина и открыла глаза.

— Да то пока, милая, вон у тебя кровь из головы хлещет, — возразил дедок.

— Лежите, — легонько надавив на плечо, мужчина, сидевший на корточках возле нее, остановил

ее попытку приподняться. — У вас может быть поврежден позвоночник, лучше не рисковать.

— Что, и правда хлещет? — спросила она у него.

— Не ручьи, — улыбнулся незнакомец.

И от этой его улыбки с легкой иронией на Дину вдруг словно снизошло какое-то абсолютное спокойствие и уверенность, что теперь уж точно и обязательно все будет хорошо.

Интересно, почему?

— Это вы специально так говорите, — снова выступила бабка, — чтобы нас убедить, что девушка не сильно пострадала.

— Что с ребенком? — как-то вмиг вспомнив про него, спросила Дина.

— Все в порядке, коляску не задело, — успокоил ее мужчина.

— Почему тогда он так кричит?

— Проснулся, испугался, наверное, — предположил мужчина. — Да и мамаша его из коляски достала, трясет, прижимает к себе и рыдает.

— Да такую мамашу надо прав на ребенка лишать! — переключилась на новый объект активная бабулька. — Это ж надо ума не иметь, чтобы такое творить: дебильники в уши, в телефон пальцем тыкает и пошла ребенка под машину катить! Разве ж это мамаша! Это ж отродье какое-то, а не мамаша!

— Помогите мне встать, — попросила Дина.

— Полежите еще чуть-чуть, — сказал с легким приказным нажимом мужик, — вон уже «Скорая» едет, слышите?

Дина прислушалась. Да, едет, на всю улицу знакомый вой сирены разносится. А ей и гибэдэдэшная подпеваает где-то с другой стороны.

Ну ладно, полежим в таком случае, подождем. А то и правда, мало ли что там с позвоночником, она пока от шока, видимо, даже боли еще не ощущает, но отлично знает, что чуть спадет адреналин в крови, и она такое почувствует... во всех подробностях и деталях, о-ей-ей.

Так что полежим.

— Вы меня сбили? — спросила она мужчину, почему-то все так и продолжавшего сидеть возле нее.

— Я.

Даже односложное, короткое слово, произнесенное им, звучало у него весомо.

— Как? — спросила она, интересуясь подробностями.

Он понял, о чем именно она спрашивает.

— По касательной, в левое бедро. Вы успели дернуться в последний момент, а я успел-таки довернуть. Повезло. На встрече народ среагировал правильно: кто затормозил, кто ускорился и успел проскочить вперед, оставили мне место для маневра. — И вдруг, совершенно неожиданно, он погладил ее по голове, жалея и подбадривая, с какой-то особенной нежностью, и похвалил: — Вы молодец. Вы просто поразительная умница.

И посмотрел прямо в глаза своими странными, казавшимися Дине очень знакомыми темно-янтарными глазами.

На всю улицу надрывался вой сирен приближающейся «Скорой помощи» и машины гибэдэдэшников, ехавшей с другой стороны ей навстречу. Ребенок заходился в истошном крике, мать его громко рыдала и что-то зло отвечала какой-то женщине, отчитывающей молодую мамашу противным ментор-

ским тоном. Въедливая бабка выступала за порядок и справедливость, дедок вторил той баском, добавляя напряженности в атмосферу. Машины гудели, пытаясь объехать образовавшуюся пробку, а они смотрели в глаза друг другу, зависнув на какое-то мгновение во времени...

И вновь время ускорилося, события закружились одно за другим. Отодвинув мужчину куда-то в сторону из поля зрения Дины, над ней склонился доктор «Скорой помощи».

Четко, кратко и по существу отвечая на расспросы врача, Дина попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, куда делся сбивший ее водитель, но именно в этот момент ее организм решил, что пора показать, как ему плохо, и выстрелил болью во всех пострадавших местах одновременно, да с такой злой интенсивностью, что у Дины перехватило дыхание и невольно брызнули слезы из глаз.

— Ничего, ничего, — поспешил успокоить врач, заметив реакцию девушки на легкое движение и эти ее предательские слезы, — сейчас обезболим и в больничку повезем.

— Что с ней, доктор? — спросил сбивший ее водитель, внезапно появившись рядом с ней.

— Сотрясение, предположительно переломы левого бедра и правой руки, ушибы тела и головы, скальпельная рана, — перечислил доктор. — Точнее после обследования в больнице. Нужна срочная госпитализация.

— Я помогу, — безапелляционным тоном сообщил мужчина.

Очень споро, ловко и быстро Дину перенесли на каталку, спасибо, что достаточно аккуратно — к то-

му моменту у нее уже боль была настолько сильной, что она боялась снова потерять сознание. Но загрузку каталки в машину «Скорой помощи» остановил гибэдэдэшник, который спросил данные пострадавшей у врача, а потом обратился непосредственно к Дине:

— Заявление писать будете? — И объяснил подробнее, видимо, специально для стукнутой головушкой: — Претензии к наехавшему на вас водителю имеются?

— Какие претензии? — округлила глаза Дина. — Он всех нас спас, ему благодарности надо выносить, а не претензии предъявлять.

— Положим, всех нас спасли именно вы, а не я, — спокойным, ровным тоном возразил ей водитель внедорожника.

И Дина удивилась: оказывается, он никуда не делся, так и стоит рядом с каталкой.

— Ну кто кого спас, это мы разберемся, — проворчал гибэдэдэшник и продолжил опрос пострадавшей: — А к гражданке Володиной претензии предъявлять будете?

— Это мамаша с коляской? — уточнила Дина.

— Да, виновница дорожно-транспортного происшествия, — внес полную ясность полицейский.

— Пока не знаю, — честно призналась Дина.

Что-то ей совсем хреновенько стало, голова поплыла-а-а, в затылке выстрелило острой болью, сильно замутило, а левый бок заболел как-то совершенно нестерпимо.

— Так, все, — прервал разговоры доктор.

И каталку с Диной вкатили в машину.

— Куда вы ее? — спросил водитель внедорожника.

— В Склиф, — ответил доктор.

А мужик вдруг совершенно неожиданно для всех шагнул следом за каталкой в машину «Скорой помощи», склонился над Диной, взял ее за руку и пообещал:

— Я приеду. Сейчас разберусь тут с гибэдэдэшниками и приеду к вам.

— Ладно, — ничего не поняла Дина, но почувствовала что-то необъяснимо приятное от этого его обещания.

А он уже выскочил на дорогу к гибэдэдэшнику, сказавшему ему что-то недовольным тоном.

Только машина «Скорой» отъехала от места происшествия и набрала скорость, как запел смартфон Дины мелодией песенки про Умку.

— О господи, — встрепенулась Дина, — я совершенно забыла!

— Немудрено с такой аварией и ушибом головы, — заметила женщина-фельдшер и протянула Дине ее сумочку.

— Мамулেক, — посмеиваясь, сказал ей в трубку сын. — Ты где? Мне тебя все-таки ждать или ты зависла в делах?

— Не ждать, Кирюш, — постаралась придать голосу максимальное спокойствие и даже улыбнуться Дина. — Не пугайся, сынок, но меня сбила машина.

Вы бы не испугались, если бы вам такое сказала мать родная? Вот и Кирилл, проигнорировав призыв к спокойствию, сразу же напрягся.

— Нападение? — чуть ли не прокричал он.

— Нет-нет, — поспешно уверила Дина, — не нападение, честно. Абсолютная случайность. Я тебе все объясню.

— Как ты? Что с тобой? Где ты? — закидывал он ее вопросами.

— Я в «Скорой», меня везут в Склиф, — успокаивала его Дина. — Ничего страшного! — И усмехнулась: — Обошлось в основном «кузовными» повреждениями: гематомы, ушибы, порезы.

— Я еду.

— Ладно, дорогой.

Сегодня в приемном отделении Склифа работал очень даже хорошо знакомый, можно сказать, родной дежурный врач. Дина даже застонала от досады, когда увидела его, вышедшего по вызову регистраторши навстречу бригаде «Скорой».

Ну все, сейчас начнется! Оно и началось, не задержалось.

— Дина! — охнул Егор Ильич, перебивая доклад врача «Скорой» о проведенных экстренных мерах, и спросил о том же, о чем и сын двадцать минут назад: — Господи! Тебя таки достали? Это нападение?

— Нет, Егор Ильич, ничего такого. Просто ДТП. Глупая случайность. — И попросила жалостливо-умоляюще: — Папе не говорите. Я потом, попозже, сама.

— Да как же не говорите! — возмутился Березин и недовольно проворчал: — Сама она! — И, уже не слушая ее, забрал протокол у доктора «Скорой», переключив все свое внимание на его доклад.

— Ну что, — где-то через час вынес он свой вердикт, присаживаясь на стул возле койки, на которой лежала Дина в отдельной, элитной палате (куда ее на время поместили по откровенному блату и самому близкому знакомству), — повезло тебе, Диночка, надо сказать, на удивление. Повреждений и травм

внутренних органов нет, позвоночник в полном порядке, даже сотрясения столба не диагностируется, удачно упала.

— Угу, — согласилась Дина и пояснила: — Меня в бок, по касательной зацепило, крутануло так, что я свалилась на руку. Не подбросило, вообще не оторвало от дороги.

— Я ж говорю, повезло, — довольным тоном повторил Березин. — И вот что мы имеем в результате твоих «танцевальных пируэтов»: переломов нет, слава богу. Сильнейший ушиб бедра, синяк знатный будет, красавец, — порадовался он с эстетским удовольствием, в своеобразной манере, присущей хирургам с их несколько специфичным циничным юмором. — Ну и болеть будет соответственно. С рукой похуже дела обстоят: перелома нет, но сильный ушиб локтя, а это такая фигня, сама знаешь, может и воспаление надкостницы вызвать, посмотрим. И ободран, понятное дело, он серьезно. Про снятие скальпа ты в курсе и прочувствовала его, когда тебя зашивали.

Это точно! Прочувствовала еще как! Падая, она попала головой на какой-то острый камешек, слава богу, повезло невероятно, что удар не пришелся на свод черепа, тогда бы уже все. Налетела она на него вскользь, боком и содрала приличный кусок скальпа четыре на пять сантиметров.

Хирургическая сестрица посочувствовала, когда брила волосы вокруг раны, а потом и зашивала это безобразие:

— Так жалко, — сопереживала она, — прическа классная, волосы красивые, и будет теперь плешь сбоку да со шрамом.

— Ничего, отрастет, — успокоила медсестру Дина (почему-то не наоборот, что было бы как-то логичней). — У меня волосы быстро растут.

Но болела и щипала эта зараза ужасно. Главное, лежать теперь приходилось, постоянно выворачивая голову набок, чтобы не задевать рану.

Вот ведь хренотень какая!

— Ну и сотрясение средней тяжести имеется, как же без него, а это не рахат-лукум, сама понимаешь, противная фигня, — добавил Березин. — В общем, ангелы-хранители твои подсустились, не иначе. — И посоветовал совсем иным тоном — наставительным, напряженно-серьезным: — Ты бы завязывала со спасениями всякими, Дина, везение, оно, знаешь, не безгранично. Да и хватит уже.

— Егор Ильич, — посетовала Дина, морщась от головной боли. — И вы туда же.

— Да не туда же, а все там же! — повысил он голос. — Сколько можно об этом говорить? Ведь каждый раз беседуем, а ты все не прислушиваешься! Ты и так сделала более чем достаточно, Дина, сколько можно рисковать, подставляться и тащить это на себе?

— Ну, Егор Ильи-и-ич, — жалобно-умоляющим тоном протянула Дина.

— Что Егор Ильич! — ворчал тот. — Сто раз уже обсуждали. Не собираюсь и не желаю латать тебя, когда ты таки всерьез нарвешься! А ты нарвешься рано или поздно! И никто тебя не защитит! Не помогут ни твои навыки, знания и осторожность, ни твои друзья со всей их крутизной! — И выдохнул устало, словно сдуваясь в один момент: — Отцу твоему следовало давно запретить тебе так рисковать,

да и вообще этим заниматься. Вот приедет, пусть тебя и воспитывает.

— Настучали? — спросила Дина.

— Конечно, а ты как думала, — отозвался Березин и хлопнул себя ладонями по коленям, деловито выдыхая. — Так, ладно, бесполезно с тобой об этом. Будем считать, что со вступительной частью закончили. Сама понимаешь, полежать у нас тебе придется недельку-другую, понаблюдаем динамику и состояние, а там посмотрим. — И переключился на другую тему: — Слушай, там к тебе мужик рвется, требует личной встречи и общения. Это не тот ли, что тебя сбил?

— Наверное, он, не знаю, — отчего-то вдруг растерялась Дина.

— Так что, пустить его или как?

Пока ее обследовали, возили на рентген и МРТ с томографией, зашивали, кололи и латали, Дина успела в подробностях и деталях доложить Березину и медсестрам о произошедшей аварии, так что претензии к наехавшему на нее гражданину предъявлять не имело смысла, а скорее даже и наоборот — поблагодарить не мешало бы.

Чем и объясняется легкое попустительство со стороны медперсонала — по правилам стационара посетители допускаются до больных в строго отведенные часы посещения, без каких-либо поблажек. Все сурово. Да и правда, что им бесконтрольно шляться-то, посетителям этим? Доставать врачей бесконечными вопросами, требованиями и недовольством? А вы часто видели довольных родственников в больницах? Ну вот и врачи редко видели. Только тогда, когда тех собираются вы-

писывать, и то большо-о-ой вопрос. У нас же что? Врачи — единственные люди в стране, которые ни фига не смыслят в том, как надо лечить и правильно ухаживать за больными — народ всегда знает лучше, а уж при повальной доступности к Интернету так и вовсе все академиками стали в любом вопросе, и уж особенно в медицине. Вот и приходится народу подсказывать докторам, как надлежит лечить. Так что, с точки зрения медперсонала, отведенных часов посещения более чем достаточно для общения с родными, за исключением некоторых случаев.

— Пустить, — не самым уверенным тоном разрешила Дина и спросила: — А Кирилл здесь?

— Приезжал, я ему подробно доложил об аварии и твоём состоянии и отправил домой за полисом и вещами, скоро подъедут с дедом.

— Поня-я-ятно, — обреченно протянула Дина.

— А ты что хотела, голуба моя, — не посочувствовал Березин. — При таком-то папеньке и спрос другой.

— Да уж, — смиренно согласилась Дина.

— Ладно, сейчас пущу мужика, который тебя сбил. — И строго предупредил: — Только ненадолго. Десять минут.

И вот обладатель янтарных глаз, вызывавших столь странные реакции Динино организма, вошел в палату и поздоровался:

— Привет.

Вот даже сейчас — от одного простого слова, произнесенного им, как-то так стало тепло...

— А как вас зовут? — наконец-то спросила Дина, сообразив, что даже имени его не знает.

— Да, — усмехнулся он, вопросительно кивнув на стул возле ее койки, и присел, получив разрешение от махнувшей рукой Дины: — Мы не познакомились, хотя и очень тесно «соприкоснулись», если можно так сказать. — И представился: — Гарандин Владислав Олегович.

— Что-то очень знакомое, — сосредоточенно нахмурилась Дина, пытаясь сквозь головную боль и не совсем ясное сознание вспомнить, где она слышала эту фамилию.

Совершенно определенно где-то слышала, и не раз. Уж очень что-то знакомое. Странно, у нее отличная память на имена и лица, к тому же специально натренированная, — и на тебе, подводит. Хотя немудрено, она сейчас совершенно не в силах соображать — все как-то мутно, тошно, непонятно.

— Забейте, — посоветовал Гарандин, заметив сосредоточенное и несколько болезненное выражение лица, с которым девушка рассматривала его.

— Ладно, — легко согласилась Дина.

— Ну, а про вас я уже кое-что знаю, — улыбнулся он той самой своей поразительной, чуть ироничной улыбкой, так успокоившей Дину, когда она лежала на асфальте, и от которой почему-то чувствовала, что все теперь будет хорошо. — Вы Дина, — говорил он, улыбаясь, — Дина Нагорная. — И отметил с какой-то особой, проникновенно-теплой интонацией: — Красиво звучит.

И от его голоса и особой модуляции-интонации, с которой он произнес это «красиво звучит», и его замечательной, чуть ироничной улыбки ей вдруг так «захорошело», как говорит бабуля, и даже боль отступила, и так вдруг стало спокойно,

и затеплело в груди... Или это лекарства начали действовать все разом, давая такую вот странную «побочку»?

— Ну как вы? — спросил он с искренним сочувствием, осторожно взял ее ладонь в руки и поддерживал, согревая немного заолодевшие пальцы.

— Опасных травм нет, — ответила Дина, поразившись этому его неожиданному порыву, а главным образом, тому, как ее избитое тело отозвалось на этот простой жест утешения и участия. И поспешила подпустить иронии, остужая все эти странности: — Так, только изрядно поцарапало харизму, а в основном жить буду.

— А мы по... — начал он фразу, но не успел закончить.

— Мам!.. — Резко распахнув дверь, Кирилл ворвался в палату и тормознул, увидев незнакомца, сидящего рядом с ее койкой.

Пару мгновений он смотрел на Гарандина подчеркнуто подозрительным, изучающим взглядом, чуть задержавшись на его руках, баюкающих ладонь Дины, а потом прошел к кровати, наклонился и поцеловал мать в щеку.

— Кирюш, познакомься, — поспешила представить посетителя Дина, осторожненько извлекая ладошку из рук мужчины: — Владислав Олегович. Это он меня сбил.

— А-а-а, — заметно расслабился парень. Он улыбнулся и протянул руку Гарандину.

Тот принял дружеское рукопожатие.

— Спасибо, что не угробили мою мамульку.

— Вы уверены, что она ваша мама? — без какого-либо намека на комплимент в адрес дамы, пря-

молинейно, с большим сомнением в голосе спросил Гарандин.

— Уверен-уверен, — легко рассмеялся молодой человек.

— Сколько вам лет? — не торопился верить Владислав Олегович: ну мало ли какие расклады бывают в жизни.

— Двадцать, — улыбнулся мальчишка.

Красноречиво приподняв брови, Гарандин изобразил полное недоверие и перевел вопросительный взгляд на Дину.

— Да ладно, — усмехнулся Кирилл, не дав матери ответить на молчаливый вопрос: — Обычная реакция, никто не верит, что она моя родная мамулька. — И предложил: — Давайте я за вас все скажу: «Не может быть, вы же совсем девчонка, что вы его, в десять лет родили?»

— Ну, где-то так, — согласился Гарандин совершенно серьезным тоном.

— Родила она меня в семнадцать, возраст свой не скрывает, а даже наоборот, с удовольствием посмеивается над такой вот реакцией окружающих, — разъяснил Кирилл и тут же переключился на более насущную тему: — Вы уже видели вашу аварию? — И повернулся к Дине. — Ну ты, мамулек, как всегда, в своем репертуаре, — кидаешься всех спасать, выручать, не жалея живота своего.

— Так получилось, — покаянно произнесла Дина.

— А что, кто-то выложил запись? — уточнил Гарандин.

— Даже несколько записей в «Ютубе» и в «Инстаграме», — кивнул Кирилл и, повернувшись к Дине, пояснил специально для нее: — Кнуровские ребята

уже с камер дорожных и городских все срисовали и переслали мне.

— Они тоже в курсе? — поразилась Дина.

— Смеешься? Конечно, все в курсе. Я же сразу сообщил и скинул инфу: место, время. Мало ли кто на тебя наехал, как и зачем. Все сразу на Кузьмина подумали.

— Да ну, — отмахнулась от такого предположения Дина. — Глупости, у него мозгов не хватит спланировать что-то сложное. Тем более совершить нечто такое. Совершенно предсказуем.

Гарандин не перебивал, вопросов не задавал, но слушал с особым вниманием.

— Ну что... — Распахнув дверь, в палату стремительной походкой вошел крепкий, довольно стройный мужчина лет под шестьдесят.

И точно так же, как и Кирилл до него, побуравил подозрительным взглядом посетителя.

— Дед, — поспешил разрядить обстановку парень. — Это Владислав Олегович. Это он сбил маму.

— Ага, — удовлетворенно произнес мужик и протянул Гарандину руку.

Владислав Олегович поднялся со стула, крепко пожал протянутую руку, присматриваясь к этому самому деду, надо полагать, отцу пострадавшей. Интересный мужик, а внук поразительно похож на деда и внешностью, и фигурой, даже манерой держаться.

— Константин Павлович, — представился мужчина, — отец Дины. — И вдруг улыбнулся, уважительно крутанув головой: — Однако реакция у вас, батенька, исключительная. Как вы этот маневр со-

вершили — поражаюсь. Несколько раз просмотрел все записи аварии и все восхищался: ни одного лишнего движения, никакой суеты и паники, сплошной мат и виртуозное вождение. Как вывернули-то, а? Ни юзом не повело, ни в дрифт неконтролируемый не закрутило. Круто! — И потрянул еще разок руку Гарандина.

— Вообще-то если и восхищаться чем-то, то это реакцией вашей дочери, — отговаривался от похвалы Владислав.

— Ну с ней особый разговор, — тоном, обещающим нахлобучку, ответил Константин Павлович и, потрянув напоследок еще раз руку Гарандина, присел на стул возле койки.

— Ну что? — спросила Дина, пытаясь улыбнуться. Чувствовала она себя все хуже, но крепилась. — Все посмотрел, все проверил?

— Посмотрел и проверил, — подтвердил отец. — Да и что проверять, Егор сделал все, что надо. Недельку тут полежишь...

— Пап... — перебила его дочь.

— Недельку, — с нажимом произнес тот, — потом к себе переведу.

— Да не надо меня к тебе! — возмутилась она. — Вот на фига? Меня и здесь прекрасно полечат.

— У нас так же прекрасно полечат, — отрезал Константин Павлович, — там у нас не дом проходной, никто лишней не зайдет.

— Здесь тоже не проходной, — злилась Дина.

— Ма, — вмешался Кирилл, — дед же прав, что ты сопротивляешься, у них охрана серьезная, и в их отделение посторонним не пройти. — И попенял: — Ну что ты?

— Да потому что они меня там замучают своей заботой и охраной! — слабо, но все же возмущалась Дина.

— Ничего, помучаешься немного, — отмахнулся от ее аргументов отец и попенял: — И все, закончили. А то перед человеком неудобно, — кивнул он в сторону Гарандина.

— Да, Владислав... — спохватилась Дина.

— Давайте просто Влад, — перебил тот.

— Влад, — согласилась она, — извините, мы тут о своем. Увлечлись немного.

— Интересное у вас «свое», — задумчиво почесав пальцем бровь, заметил он и неожиданно посмотрел на нее пару секунд очень внимательным, цепким взглядом, а потом повернулся к Константину Павловичу. — Если я правильно понял, Дине угрожает какой-то человек? И вы всерьез обеспокоены ее безопасностью.

— Да ладно б только он, справились бы как-нибудь, — устало вздохнул Нагорный.

— А что, — спросил каким-то особым тоном Влад, — ей угрожает несколько человек?

— А-а, — безнадежно отмахнулся Константин Павлович, скривившись, — все это... — И не договорил, что именно «это». — Так, — ушел он от разговора и строго посмотрел на дочь, — я тебе все сказал. Тебе надо спать-отдыхать. — И не удержался-таки — склонился над дочерью, посмотрел внимательно в ее глаза: — Голова болит?

— Болит, — ответила она потухшим голосом и сразу же отчиталась: — Вся симптоматика в наличии, можешь не сомневаться, но меня накололи, отпускает понемногу. Сознание, правда, слегка плывет.

— Ну это нормально, — констатировал заботливый отец. Он поцеловал дочь в щеку и погладил по голове. — Ладно, пойду, там Егор просил одного пациента посмотреть.

— Начало-о-ось, — протянула Дина с иронией.

— Я с тобой, дед, — тут же встрепенулся Кирилл.

— Идем, — призывно махнул ему Константин Павлович, — тебе полезно будет. — И повернулся к Гарандину: — Рад был познакомиться. Еще раз благодарю, что сделали все, чтобы спасти Дину.

И вышел из палаты.

— Да, — торопливо потряс руку Владу Кирилл, — спасибо за мамульку. Вы крутой чел, так дрейфтанули не по-детски. Класс!

И выскочил вслед за дедом из палаты.

А Гарандин развернулся к Дине и неожиданно спросил напрямик:

— Кто вам угрожает, Дина? Муж, бывший муж, любовник, бойфренд? Или какие-то криминальные дела?

Подошел, сел на освободившийся стул и, ожидая ответа, внимательно следил за выражением ее лица.

— Муж, бывший муж, любовник и бойфренд, — улыбаясь через накатывающую волнами слабость, повторила она за ним. — Все вышеперечисленные, только не мои. Впрочем, это все ерунда и мои заморочки, — быстренько соскочила с темы она и в свою очередь спросила: — А что там с той девочкой, из-за которой все случилось? С ее ребенком? Они в порядке?

Гарандин помолчал, внимательно ее рассматривая и позволяя ей уйти от ответов. Дина прямо вот видела и ощущала, что позволил.

Какой, однако, непростой мужчина-то, а?

— Они в порядке, испугались оба, разумеется, сильно, но не более, — ответил Гарандин легко и непринужденно, словно продолжил прерванный разговор. — К вам завтра придет следователь — подписывать протокол происшествия. И наверняка предложит написать заявление на эту мамашу.

— Да ну, — пренебрежительно отмахнулась Дина. — Что там хоть за девочка, вы пообщались?

— Пообщались, — легонько усмехнулся Гарандин, — типичная представительница сетевого погружения. Как там в «Камеди» было? «Живу впроголодь на десять лайков в сутки».

— Что, полный бесполезняк? — уточнила Дина.

— Да бог знает, — неопределенно крутанул головой Влад. — Испугалась она всерьез, и проняло ее крепко. Да и женщины на нее набросились, грозились тут же в опеку звонить, ставить вопрос о лишении материнских прав. Одним словом, проняло девочку качественно. Надолго ли хватит просветления в ее мозгах, это другой вопрос.

Не постучавшись, распахнула дверь и вошла медсестра, и уже с порога распорядилась эдаким особым профессиональным тоном, выработанным годами:

— Все, посещение окончено. Больной требуется покой и отдых. Попрошу вас покинуть палату.

— Сейчас покину, — спокойным тоном пообещал господин Гарандин, не двинув ни одним мускулом, и наклонился чуть ближе к Дине.

— Ну что, Диночка, поправляйтесь, исцеляйтесь.

— Буду, — серьезно пообещала та.

А он совершенно неожиданно поднялся со стула, наклонился и поцеловал ее в щеку, выпрямился,

махнул рукой на прощание и вышел из палаты мимо удивленно замершей медсестры.

— Кавалер? — спросила медсестра, наполовину высунувшись за порог палаты, провожая долгим, жадно-любопытным взглядом удаляющуюся по коридору спину Гарандина, пока тот не скрылся за поворотом.

— Он меня сбил, — отмахнулась от ее любопытства Дина.

Положив голову на подголовник водительского сиденья и прикрыв глаза, Влад прокручивал в памяти аварию и все те необъяснимые странности, следовавшие за ней.

Он выехал еще засветло, чтобы гарантированно попасть на важную встречу в Москве, договоренность о которой долго согласовывалась: нужный ему человек был плотно занят и часто выезжал в командировки, так что планировали они эту встречу заранее, за несколько недель, сверяя свои графики. Вот он и подстраховался. Как чувствовал, что может «зависнуть» в дороге непонятно по какой причине.

Впрочем, некое обостренное предвидение возможных грядущих неприятностей или сложностей было у Влада давно, с самого детства.

Но что, пожалуй, самое важное: он привык доверять этим своим чувствам, не подвергая их сомнению.

Но на этот раз Гарандин решил, что ошиблась его хваленая «чуйка», подвела — долетел он от Питера до Москвы споро и без проблем: трасса на удивление оказалась полупустой, и ни в одной пробке

ему не пришлось постоять даже на МКАДе, въезжая в Москву.

Он уж расслабился и мысленно прикидывал, что успеет сделать за несколько часов перед встречей, с кем еще можно пересечься и побеседовать, если выпала неожиданная оказия, тут же насчитав не меньше трех возможных вариантов.

Вот тут задремавшая было в дороге «чуйка» и напомнила о себе, и захолодело в затылке, как обычно бывает, когда приходит неконтролируемая информация-предупреждение, и что-то екнуло в груди, и Гарандин сбросил скорость до сорока перед пешеходным переходом.

Правильнее сказать: начал сбрасывать скорость, притормаживая, но стрелка спидометра так и не успела опуститься до сорока километров, когда Влад увидел деловито шагающую прямо под его машину мамашу с коляской.

И мгновенно включился некий механизм измененного состояния, врубилась на всю катушку отработанные рефлексy, и, матерясь во все горло, Влад выкрутил руль, уводя машину от коляски с ребенком, отчетливо видя, понимая, что не успевает...

Внезапно какая-то стремительная фигура мелькнула впереди, и мамаша отлетела назад, а следом за ней и коляска, чуть не завалившись набок, а Влад, продолжая выкручивать руль и удерживать тяжелую машину от неконтролируемого заноса, увидел вдруг, буквально в трех метрах перед капотом, девушку.

И в этот момент с ним случилось что-то необъяснимое: он увидел близко-близко лицо девушки и ее глаза, смотревшие прямо на него — нереальные,

фантастические какие-то глаза глубокого синего цвета с фиолетовым оттенком, с расширившимися от страха зрачками от осознания неотвратимости летевшей на нее смерти...

Он успел, в какие-то доли секунды сумел еще довернуть всего на несколько так необходимых сантиметров руль и удержал машину в заносе, а она успела отшатнуться, отклониться...

Хотя совершенно точно — вот стопудово! — он видел и знал: не было у них обоих уже никакого времени. Но кто-то сверху дал им дополнительные доли той самой жизненно важной, последней секунды, ничем иным прагматичный Гарандин объяснить это везение не мог.

Да он и не пытался объяснять.

Но он все-таки задел ее и видел, как девчущку крутануло от удара в бедро крылом машины и она исчезла из поля его зрения.

Машина встала как вкопанная, как норовистый скакун, остановленный сильной рукой волевого наездника. Гарандин положил руки на руль и уткнулся в них любом, чувствуя, как шумит в ушах кровь и начинает мелко потряхивать все тело.

Ладно, ладно, — резко выдохнул он, встряхиваясь от нахлынувшей слабости, — еще ничего не кончилось. Надо посмотреть, как там девчущка.

Первое, что он понял, — жива! Его аж пробрало до слабости в ногах от этого понимания.

А потом она посмотрела на него, и его пробрало еще раз, но куда как серьезней, чем перед этим, от одного ее взгляда — так странно, у нее и на самом деле насыщенно-синие глаза с размытой фиолетовой каймой по краю и поразительно крупной радужкой.

Но не в этом дело, не в удивительном устройстве ее глаз, а в том, что Гарандину показалось, будто она улыбается ему глазами, и он вдруг почувствовал нечто совершенно необъяснимое... — не описать. Узнавание, что ли. Какую-то близость душевную, родство и особенную важность этого человека в его жизни.

Да боже мой, разозлился на себя Влад, не знает он, как это сформулировать и что вообще такое происходит.

Хрен с ним, ничего формулировать он не будет!

Девушка была стройной, но не худышкой, такой сбитенькой, спортивной, но без явных признаков серьезных силовых занятий. Не очень высокой, сейчасто не определить.

Лежала она неудобно — скрученно: ноги ровно на асфальте, туловище чуть боком на правой руке, а ее русые густые волосы окрасились кровью в том месте, где голова соприкасалась с асфальтом.

Мгновенно оценив возможные варианты травм при таком ударе и этой ее позе, Гарандин в первом неосознанном порыве хотел было подхватить девочку и срочным порядком везти в больницу, но тут же остановил, остудил себя, подумав, что может навредить и сделать только хуже своей неосторожностью, и ее придержал, когда она попыталась встать. В шоке человек на что только не способен — и на поломанных ногах ходить, а у нее шок, это очевидно.

Все в нем рвалось к этой незнакомогой девочке — поднять, прижать, защитить, помочь немедленно, но... — спасибо, «Скорая» приехала достаточно быстро, минут через семь, пожалуй, впрочем, как и гибэдэшники.

А когда «Скорая» увезла девушку и началась обычная в таких случаях рутина — составление протокола, беседы с гибэдэдэшниками, опрос свидетелей, Влада отпустило как-то все и разом — и «отходняк» адреналиновый, и те странные, нелогичные чувства-ощущения, которые он испытал к девушке, носящей редкое имя Дина. И, перекидывая гибэдэдэшникам записи аварии со своего видеорегистратора, Влад мысленно посмеивался: эка его прихватило-то на адреналине.

Да уж, давненько он не рисковал осознанно «адреналиновой прокачкой», даже забыл, как это случается и как реагирует организм на шоковую игру.

И все же, все же... Было в этом его странном отношении к смелой девочке что-то совсем иное, чем простая реакция на выброс гормонов в стрессовой ситуации, — совсем иное и необъяснимое.

И очень мощное.

Осталось прояснить окончательно и точно, была ли это минутная странность или что-то особенное. И вот именно с этой целью он, пожалуй, навестит девушку Дину в больнице, тем более до его основной, важной встречи времени еще предостаточно.

Ну вот и навестил.

Теперь сидит в своем суперджипе и думает, что дальше делать и какие шаги предпринимать в свете новых обстоятельств.

Обстоятельств простых, как редька в поле, и одновременно навороченных, как все, что относится к разряду чудесно-мистического, — казалось бы, оно просто и понятно, а пытаешься осмыслить, и офигеваешь — как это вообще могло случиться.

Стоило Владу войти в палату и увидеть Дину, лежавшую в койке с забинтованной головой и перевя-

занной правой рукой, которая встретила его поразительным взглядом своих сине-фиолетовых, каких-то эльфийских, ей-богу, глаз, как Гарандин понял со всей очевидностью и определенностью — это его девочка, его женщина, его Судьба, если позволить себе такие выражения. Половинка там не половинка, фиг бы с этими затертыми романтическими мишишками — все гораздо проще и непомерно сложнее — она его всё и вся его. А он весь ее.

Как-то так. Без образов.

Гарандину понравился ее сын и ее отец, но его сильно напрягли и настрожили их разговоры.

Давным-давно у Влада развилось умение считать, улавливать и вытаскивать информацию даже из самых малых крупиц фактов, из намеков и недосказанностей, из языка тела человека, его реакций и поведения и вскользь брошенных фраз, из любых обрывочных сведений и необычных источников. Извлекать из этого «шлака» информацию, анализировать и систематизировать ее, добавляя к тем фактам, которые добыл сам или добыли для него.

Все срабатывало в мозгу у Влада автоматически.

Кстати, именно эти способности, помноженные на его невероятную «чуйку», и помогли ему до сих пор оставаться живым и относительно невредимым.

Впрочем... что вспоминать и тревожить былое. Уже давно минули те времена, когда он нуждался в такой сложной аналитической работе своего мышления, — времена минули, а навык остался.

То, о чем говорили с Диной ее отец и сын, сильно напрягло Гарандина — если девочке всерьез кто-то угрожает и преследует ее, то какого, простите, хре-

на вы так вольно обсуждаете эти вопросы в присутствии совершенно незнакомого вам человека, да еще и фамилии упоминаете всякие. То, что он не угробил вашу дочь и мать, не является причиной для доверия незнакомому мужику.

Да мало ли какая подстава могла иметь место там, на переходе. Если кто-то на самом деле пытается всерьез достать Дину, он мог придумать и разыграть любые комбинации, и мало ли каким образом в них участвует сам Гарандин, а они при нем так свободно болтают.

Если бы они знали, с какими только виртуозно организованными и просчитанными до секунд и миллиметров «случайностями» с участием огромного числа людей приходилось сталкиваться Гарандину, то нынешняя авария показалась бы им топорным гоп-стопом в исполнении дилетантов.

Нет, если Дину на самом деле серьезно и настойчиво кто-то преследует, то с таким подходом эти мужики не защитят ее ни разу, лишь подставят.

Ладно, тяжеловато вздохнул Влад, выпрямился, потянулся, достал из лежавшего на соседнем сиденье портфеля навороченный айпад последней модели — посмотрим, что там можно накопать о Дине Нагорной, а там и подумаем, какие шаги следует дальше предпринять.

Минут через сорок Влад закрыл айпад и призадумался, прокручивая в голове полученную информацию. То, что шаги предпринимать придется, это-то понятно. Тут главное расставить приоритеты и решить, с чего правильной начать.

В палате Кирилл вскользь произнес одну фамилию, вот, пожалуй, с нее и начнем. Гарандин достал

из кармана смартфон, набрал номер из числа тех, которые стоило помнить на всякий случай.

Искомый человек оказался в Москве, ответил и выказал готовность встретиться.

— Здравствуйте, Владислав Олегович, — поприветствовал ожидавший его Сергей Викторович Кнуров¹, поднимаясь из-за столика, за которым сидел. Он шагнул навстречу и протянул руку для рукопожатия.

Высокий жилистый мужик, находившийся в великолепной физической форме для возраста за пятьдесят, обладавший очень непростым взглядом серых внимательных глаз в обрамлении черных длинных и густых ресниц — предмета зависти всех женщин.

— Здравствуйте, Сергей, — сдержанно-уважительно отозвался Гарандин, принимая и пожимая протянутую руку.

Ему не было необходимости смотреть на часы и проверять пунктуальность своего прихода. Влад обладал особым ощущением времени. Он никогда не опаздывал и не приходил заранее, предпочитая появляться ровно в назначенный час. Человек же, с которым он встречался, обладал иными навыками, привычками и способностями и неизменно являлся на встречи заранее.

Сели за столик напротив друг друга, сделали заказ подоспевшей официантке.

— Видел ваш исключительный «заезд», впечатлен, — произнес с улыбкой Сергей, когда официантка отошла от стола, и заметил с явным уважением: — Да, мастерство не растеряешь.

¹ Герой книги «Любовь со вкусом вишни».

— Да, — согласился с ним Гарандин, — особенно, если тебя гонял и натаскивал Макар.

— Особенно, — кивнул Сергей и сразу перешел к делу: — Вадим Олегович, вам понадобились наши услуги?

— Не совсем, — ответил Гарандин и, посмотрев прямо в глаза Кнурову, обозначил предмет своего интереса: — Дина Константиновна Нагорная. Я бы хотел узнать о ее проблемах и вашем с ней сотрудничестве.

Кнуров не спешил отвечать, оставаясь совершенно расслабленным внешне и не показав никакой реакции на вопрос, только в глазах, всего на мгновение, мелькнуло нечто острое и опасное, тут же сменившись нейтральным выражением с легким оттенком дружелюбия.

— С какой целью интересуетесь? — спросил наконец он.

— Надеюсь, она станет моей женой, — таким же ровным и спокойным голосом произнес Гарандин.

Коротко помолчали, всего пару-тройку секунд, за которые мужчины обменялись пристальными взглядами.

— А вы изменились, Владислав Олегович, — усмехнулся Кнуров. — Раньше вы бы сказали иначе, что-то вроде: «Я намерен на ней жениться».

— Раньше, — в тон ему ответил Гарандин, — я не обратился бы к вам за информацией.

— Да, — согласился Сергей, — не обратились бы. Вдохнул глубоко и отвернулся, задумчиво глянув в окно, резко выдохнул и снова посмотрел на Влада.

— Знаете, почему мы с Ринком приняли ваш заказ и работали с вами в свое время?

— Подозреваю, что не только потому, что я щедро вам за это платил, но и из-за того, что в те времена вступить со мной в противостояние было весьма недальновидно. Лучше сотрудничать, — иронично усмехнулся Гарандин.

— И когда нас останавливали разумные доводы, Владислав Олегович? — усмехнулся Сергей. — Вы же прекрасно понимаете, что нам совершенно ни к чему было проверять друг друга на предмет, у кого нерв крученей и связи позаковыристей.

— Да бросьте вы, Сергей, — отмахнулся Гарандин. — Вы же понимаете, что в то время даже, скажем так, тесное «внештатное сотрудничество» господина Ринкова¹ с конторой на самом высоком уровне вряд ли могло бы вам помочь, осерчай я всерьез и упрись в своем недовольстве.

— Ну отчего же... — не согласился Кнуров.

— Да ладно, — снова отмахнулся Влад, — для вас это бодание обошлось бы гораздо большими затратами и потерями по всем параметрам и статьям, в том числе и репутационным.

— Ну это тоже вряд ли бы остановило Ринка и всю нашу команду, если б и мы уперлись, — констатировал очевидное Сергей.

— Ну, это-то понятно, — продолжал усмехаться Гарандин, правда, не без уважительной нотки, — Антон Александрович — человек определенной репутации и характера. Да и ладно, чего уж теперь мериться задним числом.

— Согласен, — кивнул Сергей и продолжил свою мысль: — Так вот, Владислав Олегович, мы взялись

¹Герой книги «Крымский роман».

тогда сотрудничать с вами, в числе прочих причин, еще и потому, что из сообщества людей того уровня, к которому вы принадлежали, вы относились к редкому меньшинству, которое четко видело края и не переступало границы, не связывалось с черным криминалом. К тому же вы были известны в деловых кругах как человек, всегда державший свое слово, даже если оно шло в ущерб самому святому — прибыли.

— В те времена я избегал такой недальновидной ошибки, как давать обещания, — уточнил Гарандин.

— За редким исключением, — внес ясность Кнуров и продолжил: — Вы не держались за деньги и бизнес, относясь к ним скорее как к инструментам, а не как ко всей своей жизни. И сейчас я оценил тот факт, что вы не стали использовать для получения информации о Дине свои каналы, обратившись непосредственно к нам, как я понимаю, оберегая ее от лишнего любопытства. Хотя... — недовольно махнул он рукой, как на дело безнадежное, — она постоянно сама подставляется.

И перешел к рассказу о непростых делах, работе и заботах Дины Нагорной и ее тесном сотрудничестве с компанией Антона Ринкова и его ближайших соратников: Михаила Дубина и Сергея Кнурова.

Под скупое и неспешное изложение фактов мужчины успели перекусить и выпить по чашке чаю. Закончив свой рассказ, Кнуров произнес почти нейтральным тоном:

— Я бы сильно не рекомендовал никому обижать девочку.

— Я тоже, — согласился с ним Гарандин и посмотрел прямо в глаза собеседнику.

Двое очень непростых мужчин поняли друг друга и договорились.

— Спасибо за информацию, Сергей, — обозначил конец их встречи Гарандин. — Я ваш должник.

— Если сможете убедить девочку найти иное применение ее талантам и сделаете ее счастливой, то мы все станем вашими должниками, — улыбнувшись, Кнуров чуть кивнул и поднялся из-за стола.

Гарандин тоже поднялся и пожал тому руку, прощаясь.

Кнуров ушел, а Влад, вернувшись за стол, неспешно потягивал душистый травяной чай и заново прокручивал в голове весь разговор, расставляя и мысленно сортируя собранную информацию.

Дина проснулась ранним утром с устойчивым ощущением, что она забыла сделать что-то очень важное, но никак не может вспомнить, что же это.

Как бывает, когда вдруг выскакивает из памяти какая-то мысль, или нужное слово, или фамилия чья-то, которую вот прямо сейчас надо вспомнить, — и вроде бы крутится вот прямо на поверхности, здесь, совсем рядом, и ты же знаешь, какое это слово — вот же оно, ну вот же! — только недавно оно приходило на ум, а вспомнить не можешь никак, и все!

Будь оно неладно!

И ведь вся засада в том, что непременно вспомнишь, но только тогда, когда оно тебе уже на фиг не сдалось, и ты думать забыл о предмете своих мучительных потуг.

Вот именно такая засада и разбудила Дину ранним утром — ощущение, что она упустила что-то очень важное.

Да и к черту! — рассердилась она, чувствуя, как напряженное усилие мгновенно вызывает резкую боль в голове и шум в ушах.

Нет, ну его на фиг, надо будет — само вспомнится, а ей напрягаться совсем нельзя, ей даже читать запрещено, у нее и смартфон вчера отец забрал, и рабочий телефон — старенькую трубку с минимальными функциями.

Когда папенька в ипостаси доктора — а в ней он пребывает большую часть жизни, — то становится очень суров и грозен, как высокое начальство.

И поскольку чувствовала себя Дина препаршиво, то и спорить с папенькой не стала, тем более что под действием препаратов и своего болезненного состояния большую часть времени она пребывала в полудреме, периодически проваливаясь в сон-забытье.

А тут на тебе — проснулась с ощущением потери чего-то очень важного, что она неосмотрительно упустила. Но пришла мама, принесла всяческие вкусности на завтрак, принялась обихаживать доченьку, и Дина окончательно забыла о том, что она там усиленно и тщетно пыталась вспомнить.

Но оно напомнило о себе само. Точнее будет сказать — сам.

Коротко стукнув в дверь, вошел Влад Гарандин.

— Доброе утро, — поздоровался он с дамами.

«Вот оно! — озарило Дину. — Вот то самое важное, что я пыталась вспомнить: я так и не узнала, откуда мне известна его фамилия и кто он вообще

такой. Хотела же посмотреть в инете, у отца спросить — и забыла!»

— Здравствуйте, Владислав Олегович, — тем временем приветливо поздоровалась с Гарандиным мама Дины.

— Здравствуйте, Антонина Борисовна, — улыбнулся ей Влад, демонстрируя свою осведомленность, чем откровенно ее удивил.

— Берите кресло, — предложила ему Антонина Борисовна, — двигайте к кровати и присаживайтесь.

— Спасибо, — поблагодарил Влад. Он поставил на стол у окна пакет, который принес собой, передвинул, как посоветовали, легкое кресло поближе к постели больной и, присев, наконец обратил свое внимание на пострадавшую:

— Здравствуйте, Дина, — улыбнулся он ей и спросил традиционное в таком случае: — Как вы себя чувствуете?

— Как сбитая машиной, — честно ответила она.

Что-то определенно неладное творилось с ней — она настолько сильно обрадовалась его приходу, что сердце бешено застучало, в голове стало как-то легко, а по телу прошла теплая, согревающая волна. И этот его голос... Какой замечательный у него голос, и глаза такие удивительные, как темный балтийский янтарь.

Они смотрели друг на друга, словно вошли в некое особое пространство на двоих, на какое-то короткое время забыв о присутствии Дининой мамы, с удивлением посматривающей на них, «зависших» в молчании.

И тут в пакете, который принес Гарандин и поставил на стол, что-то дзинькнуло, и он начал медленно

заваливаться набок. И этот звук разорвал затянувшееся молчание. Влад поднялся с места, подхватил падающий пакет и пристроил понадежней.

— А ведь мы с вами встречались, Владислав Олегович, — произнесла с улыбкой Антонина Борисовна.

— Извините, не припоминаю, — возвращаясь в кресло, сказал Гарандин.

— Ну это понятно, — кивнула женщина, — в то время вы занимались весьма масштабными проектами и о малых своих деяниях могли и не помнить.

— Вы пострадали от моей деятельности? — ровным тоном поинтересовался Гарандин.

— Как раз наоборот, — понимающе усмехнулась Антонина Борисовна и пояснила: — Я возглавляю интернат для музыкально одаренных детей, под патронатом Московской консерватории и музучилища при ней. В самом конце девяностых наш интернат собирались закрывать в связи с аварийным состоянием зданий, в которых он располагается. Наше учреждение расположено в историческом центре Москвы и до сих пор является лакомым куском для многих деятелей, мечтающих урвать такие площади. А уж тогда интернат откровенно и целенаправленно уничтожали. Как потом выяснилось, мэрия уже продала участок нашей земли кому-то из коммерсантов, естественно, получив громадные взятки, оставалось лишь довести разорение до конца. И что только тогда с нами не творили: и свет выключали, и отопление, и в конце концов признали здания аварийными, а ведь у нас детки. Талантливые, гениальные детки, и некоторые без патроната родных, сироты, а их собирались распределить по обычным интернатам. Настоящее преступление. Мы с колле-

гами и с несколькими преподавателями из консерватории, заручившись поддержкой известнейших музыкантов, выпускников консерватории, отправились на поклон к сильным мира сего. До правительства дошли, но нам дали только одно: милостиво разрешили поискать спонсоров на ремонт. Срок — полгода, в течение которых нас обещали не трогать. И мы пошли искать.

— Я так понимаю, что я был одним из спонсоров, которых вы нашли? — ускорил рассказ Влад.

Он не любил и всякий раз ощущал неудовольствие, когда в разговоре затрагивали его прошлую деятельность.

— Да, вы были одним из тех людей, кто откликнулся на нашу беду и помог, — кивнула, улыбаясь, женщина.

— Антонина Борисовна, — выдерживая ровный тон, поспешил разочаровать ее Гарандин. — Мои помощники в те времена приносили мне в день десятки и сотни запросов на спонсорскую помощь, и все, как правило, из разряда «вопрос жизни и смерти, последняя надежда». А мои советники и менеджеры выбирали из них те, которые могли быть полезны для имиджа и с которыми можно было правильно засветиться на телевидении и в массмедиа, и рекомендовали поучаствовать. Не стоит хоть сколько-то героизировать мой поступок, я очень далек от образа положительного героя, если не сказать наоборот.

— Ну то, что вы скорее злой гений, известно всей стране, — усмехнулась Антонина Борисовна. — Журналисты особенно постарались, создавая этакий ваш образ. Только с проектом восстановления и реконструкции нашего интерната вы не выступали ни на

одной медийной площадке и вообще никак не обозначили свое участие в нем.

— Да это... — все ж не удержался и чуть скривился Влад, почесав от неудовольствия пальцем бровь, — не имело значения. Меня вообще тогда мало интересовали люди с их трагедиями и трудностями, Антонина Борисовна. Если моя помощь оказалась своевременной, достаточной и на самом деле стоящей, что ж, я рад, но я совершенно ничего не помню про ваш интернат, уж извините.

— А вы ведь приезжали несколько раз лично проверить, как идет ремонт, и участвовали в церемонии открытия после его завершения, — все вспоминала и вспоминала она. И вдруг попеняла ему: — Вы уж так строго себя не обличайте, Владислав Олегович. Разумные люди прекрасно понимают, что серьезные состояния так просто не делаются, и все же вы хоть и были в те времена моложе всех начинающих олигархов и известных бизнесменов, но всегда находились немножко над беспределом. Вы знаете, скольких бизнесменов мы обошли? В том списке были люди гораздо более состоятельные, чем вы тогда. Гораздо более, — повторила она со значением. — Так вот: бизнесменов было пятьдесят, откликнулось на наш крик о помощи только двое: вы и Дмитрий Федорович Победный¹. И оба не просто дали денег, как подачку, мол, отвяжитесь, а проверяли и контролировали процесс от начала до конца, пусть и через своих помощников, и вмешивались, когда что-то буксовало или делалось халтурно. И если бы не вы с Дмитрием Федоровичем, то не было бы сейчас

¹Герой книги «Девочка моя, или Одна кровь на двоих».

у мира уникального голоса Верочки Старогиной, а Миша Шумской не стал бы лауреатом международного конкурса, и Юра Балабин не был бы солистом Большого театра, и еще очень многие талантливые ребятки не смогли бы стать музыкантами. И это не преувеличение, поскольку если ежедневно не заниматься предметом с грамотным преподавателем, то не получится настоящего, сильного музыканта.

— Спасибо, — коротко ответил Гарандин.

И непонятно было, за что поблагодарил: за напоминание о его человеческом участии в том давнем проекте или за то, что женщина наконец-то замолчала.

«Как же я его не узнала-то, а? — думала Дина, удивленно разглядывая его откровенным образом. — Как же странно, что не вспомнила и не признала в нем того самого Гарандина. Даже услышав фамилию, не вспомнила. Он, конечно, изменился, но не настолько же сильно, чтобы не узнать».

У них в семье, пока шла реконструкция и ремонт интерната, Гарандин с Победным были постоянной темой разговоров, просто героями. И Дина знала всю доступную, которую можно было достать без не существующего тогда интернета, информацию о каждом из этих бизнесменов и читала статьи о них, и старалась не пропускать интервью на телевидении, которые они давали.

Ей было любопытно, на самом ли деле эти люди настолько лишены любых моральных устоев, ограничений, что ради прибыли готовы на любой криминал, на убийства и самое грязное мошенничество, как трубили, яростно обличая зарождающуюся олигархию и бизнес-элиту страны, в те времена все га-

зеты и телевизионные обозреватели. А они, эти самые без моральных устоев, оказывается, вон дали средства на восстановление интерната и маминым ребятам помогли: одели-обули, оплатили участие в конкурсах европейских, новые инструменты купили. Дома тогда частенько, бывало, обсуждали с отцом и его друзьями эту самую олигархию. Тогда они вообще много чего и горячо обсуждали, а толку-то в тех обсуждениях?

И на тебе — вот так встретить, столкнуться в самом что ни на есть прямом смысле и не вспомнить, не узнать.

Впрочем... Что ей был тот далекий и недостижимый, как неосвоенный космос, господин Гарандин в те времена? Ничего.

— Вам неприятна эта тема? — сообразила Антонина Борисовна.

— Предпочитаю жить сегодняшним днем, — уклончиво ответил Владислав Олегович.

— Простите, — стушеввалась Антонина Борисовна, — я несколько увлекаюсь и слишком живо реагирую, когда разговор заходит о нашем интернате и наших детках. Это профессиональная деформация, как классифицирует столь сильную вовлеченность в работу мой муж.

— А в свете сегодняшних реалий, — быстро перевел разговор Гарандин, — хотелось бы узнать, как чувствует себя пострадавшая.

— Хреново, — тут же отозвалась пострадавшая и пожаловалась: — К тому же мне запрещено читать, смотреть телевизор, пользоваться телефоном и Интернетом и вообще что-либо делать. Нужно просто тупо лежать, желательно не двигаясь. Это ужасно. Я ни-

когда даже представить себе не могла, что ничего не делать — это такая жесть невозможная. — И усмехнулась: — Наоборот, долгие годы уставала и выматывалась так, что мечтала только об одном: полежать, ничего вообще не делая, даже не шевелиться и только отдыхать. Как-то все же надо осторожней со своими желаниями, а то мечты, оказывается, сбываются.

— А общаться вам разрешено? — улыбнулся Влад.

— Ограниченное количество времени, — жалобно вздохнула она.

— Ох ты господи! — Антонина Борисовна торопливо поднялась со стула, засобиравалась, засуетилась. — Я-то что сию? Мне же на работу. — И, наклонившись к Дине, расцеловала дочь. — Вечерком приду. — И выпрямилась, повернувшись к Гарандину: — Очень рада личному знакомству, Владислав Олегович, и благодарю за то, что сумели не убить Дину.

Гарандин поднялся из кресла, когда женщина обратилась к нему.

— Я не делал этого осознанно или намеренно, — отказывался он от неуместной, как ему казалось, благодарности, — а действовал исключительно интуитивно.

— И тем не менее, — мягко возразила ему Антонина Борисовна, — вы приложили максимально возможные усилия, чтобы не убить Дину. За это я вас и благодарю. — И не удержалась-таки: — И за спасение нашего интерната, хоть вам это напоминание и не по душе.

Влад кивнул, принимая благодарность и прощаясь, постоял, дождавшись, когда женщина выйдет из палаты, и только тогда сел обратно в кресло.

— Маменьку на самом деле заносит, стоит заговорить о ее интернате, — извиняющимся тоном произнесла Дина, — а вообще, это так странно, что я вас не узнала и не вспомнила. Мы же тогда часто о вас говорили, да и вообще вы не сходили с экранов телевидения, с газетных полос и журнальных обложек.

— Меня сильно тяготят отголоски моей былой известности, поэтому давайте, Дина, оставим уже эту тему и поговорим о вас, — предложил он.

— А что обо мне? — удивилась такому предложению она.

— Ужасно выглядите, — прямолинейно сказал он.

Да, ужасно, Дина аккуратно перед его появлением успела рассмотреть себя в зеркало, которое принесла в числе прочих ее вещей мама, — полный кошмар! Рука под повязкой раздулась и приобрела устойчивый сине-фиолетовый цвет, нога и весь правый бок... ну они, слава богу под одеялом, а вот лицо... — полотно сюрреалиста-затейника: от удара и травмы головы правое ухо раздулось и посинело, правый висок и все вокруг глаза постепенно наливалось синюшным цветом, а кожа приобрела какую-то болезненную желтизну, оттеняя и подчеркивая синеву, расплзающуюся справа.

— Трудно выглядеть нежной розой, когда у тебя сотрясение мозга, разбита голова и половина тела составляет сплошной синяк, — ворчливо напомнила Дина.

— Не переживайте, Дина, — посмеиваясь, успокаивал ее Гарандин. — Моя мама, например, уверяет, что девушке плохо быть слишком привлекательной и красивой, от этого у нее пропадает чувство юмора и реальности.

— Вряд ли ваша маменька имела в виду *такую* степень непривлекательности, — все ворчала Дина, с нажимом произнеся «такую», и язвительно поинтересовалась: — Вы зачем пришли, Владислав Олегович?

— По-моему, это очевидно, — отчего-то развеялся тот. — Навестить пострадавшую девушку, узнать, как ее здоровье.

— Вы навестили меня вчера, соблюли, можно сказать, все правила хорошего тона, принятые в такой ситуации. Даже познакомились с моими родными, которые поблагодарили вас и определенно дали понять, что не имеют к вам никаких претензий, а ровно наоборот, благодарны за мое спасение. Так зачем вы пришли, Владислав Олегович?

Он смотрел на нее, ужасался и на самом деле болезненному виду девушки, тихо млел от этой ее язвительной ворчливой колкости и думал, что больше всего на свете ему сейчас хотелось бы лечь с ней рядом, обнять, осторожно прижать к себе, не дотрагиваясь до ее синяков, порезов и ушибов, чтобы успокоить, подбодрить, передать ей свои силы, но главным образом для того, чтобы самому почувствовать ее в своих руках, своей, закрыть глаза, вдохнуть ее запах и так и лежать не двигаясь. Долго, прочувствованно, плаваясь в ощущении ее близости.

— Мне очень хочется вас обнять, — не удержался Влад, таки поделившись своими мыслями: — Подбодрить, посочувствовать.

— Это сложно было бы осуществить, — сказала Дина, не ожидавшая столь сильного признания. — В данный момент на мне больше синяков и царапин, чем неповрежденных мест на теле. — И, опомнив-

шись, заметила: — Вы... странные вещи говорите, Владислав Олегович.

— Я встречался в Кнуровым, — совсем иным, каким-то ровным, лишенным эмоций тоном сообщил он так, словно говорил о том, что на улице подмораживает.

— С Сергеем Викторовичем? — поразилась Дина, не успев еще опомниться от предыдущего его заявления про обнять и подбодрить.

— С ним самым, — подтвердил Влад.

— Вы знакомы? — никак не могла взять в толк, о чем он пытается ей сказать, Дина.

— Да, пересекались было по делам много лет назад, — ушел от прямого ответа Гарандин.

— Так вы по делам с ним встречались? — настоятельно выясняла девушка.

— Да, по делам, — кивнул легонько Гарандин, — по вашим делам.

— Каким? Зачем? — снова напряглась Дина, почувствовав тут же, как напонила о себе успокоившаяся было боль в голове.

Гарандин подался вперед, облокотился на колени, оказавшись таким образом вдруг совсем близко к Дине, внимательно посмотрел ей в глаза и пояснил:

— Вчера в коротком разговоре с отцом и сыном вы упомянули, что вам угрожает какой-то человек. Мне надо было узнать, почему вам угрожают, кто эти люди и степень серьезности их угроз. Проще всего было спросить об этом человека сведущего, и я позвонил Кнурову.

— Но зачем? — откровенно недоумевала она, не понимая столь пристального интереса к ее жизни. — Вам-то это для чего?

— Мне кажется, что вы понимаете, зачем. — Гарандин все смотрел ей прямо в глаза очень непростым, сосредоточенным взглядом своих темно-янтарных глаз.

И от этого его взгляда и слов, произнесенных тихим многозначительным, наполненным особым смыслом голосом, у Дины пробежали мурашки по спине и по телу прокатилась горячая волна.

— Я так и думал, — кивнул он, прочитав все правильно в ее глазах, в выражении лица и уловив поразительную реакцию ее тела.

— Но... это что-то... — недоуменно приподняв плечи, пыталась подобрать определение происходящему с ней... с ними Дина.

— Чего только не бывает в жизни, — ободряюще улыбнулся Влад. — Мне приходилось не раз сталкиваться с совершенно необъяснимыми явлениями.

— И что теперь? — растерянно смотрела на него Дина.

Странное дело, они словно договаривали друг за другом недосказанные мысли, не нуждаясь в лишних словах и объяснениях, как будто знали друг друга долгие годы и давно уже научились понимать и слышать друг друга без слов.

— Теперь ты будешь лежать и восстанавливаться, — незаметно и как-то органично-естественно для обоих Гарандин перешел на «ты», — а я буду приходить к тебе утром и вечером, и мы станем разговаривать и рассказывать друг другу о себе. Пока так.

— Пока так... — повторила она эхом за ним и прикрыла глаза.

— Что? — беспокоился он и пересел с кресла на край ее кровати. — Голова болит? Плохо? Может, позвать сестру?

— Голова болит, — открыв глаза, посмотрела на него Дина, — сильно, но в пределах нормы. Просто все это... — Она неопределенно покрутила в воздухе здоровой рукой, не зная, как описать то, что чувствовала, и так же естественно, как и он, перешла на «ты»: — Все это так внезапно случилось, а ты так легко...

— Принимаю то, что с нами происходит, — договорил он за нее и спросил: — А ты?

— У меня сотрясение мозга, мне простительно, легко могу списать любые душевные трепетания на это. Плюс мне еще препараты колют.

— Ты лучше не напрягайся, это вредно в твоем состоянии, — заботливо посоветовал Влад, — отпусти ситуацию и разреши всему идти, как идет. А там посмотрим, что будет.

— Хорошо, — легко согласилась она, не отрывая взгляда от его глаз.

Помолчали, глядя друг на друга. Он наклонился к ней и с какой-то проникновенной нежностью поцеловал в лоб и совсем осторожно в веки — сначала в желтое, а потом и в синее.

— Выглядишь ужасно, — повторил Влад, разглядывая ее лицо совсем близко.

Гарандин приходил к Дине в больницу, как и обещал, каждый день утром и вечером. И они разговаривали, тоже, как он и обещал. Первые дней пять его визиты были непродолжительными, не больше часа, поскольку доктора не приветствовали долгие